

РАССКАЗЫВАЕТ ПЛИСЕЦКАЯ...

...ПЛИСЕЦКАЯ. На карте ее маршрутов Париж и Лондон, Нью-Йорк и Милан, Гавана и Прага, едва ли не все столицы Старого и Нового света. Однако ни в характере, ни в облике любимой артистками балерины нет решительно ничего от манер преуспевающей «этуали». Неизменная простота поведения.

Однако обаяние ее простоты, столь милой почитателям талантов балерины, лишь скрывает интенсивную и сложную жизнь души и мысли. И на сцене вся она — упрямое стремление передать свое видение, свое восприятие роли, отдать зрителю нечто для себя очень важное, выстраданное. Такая она в недавней своей работе, в одной из любимейших своих партий — царицы Мехмене Бану в «Легенде о любви».

Но ведь и до Плисецкой было известно немало интересных истолкований этой партии на сценах Ленинграда, Новосибирска, Баку, Праги. Но ведь и после Плисецкой на подмостках Большого театра родилась еще одна отличная интерпретация той же роли. И все-таки ничто не затенило в нашей зрительской памяти ее героиню, пылкость ее страстей, неумолимость натуры во всем — в сердечных ли привязанностях, в сестринской ли нежности, в мечтаниях или приговорах, роковых для людей и государства...

— Необходимо по-своему отразить свое время, — говорит Плисецкая. — Сейчас нельзя писать такую музыку, как в девятнадцатом веке. Нельзя сейчас и танцевать, как в веке девятнадцатом. Ведь даже говорим мы уже не так. Вот вы войдете сегодня в зал, где висит тысяча полотен, и сразу скажете: «Вот Фернан Леже!» Это он создал свой стиль, иначе он не был бы для нас Фернаном Леже. Каждому художнику необходимо создать свою манеру, свой стиль и никого не копировать.

Подражание, ремесленное повторение чужих творческих открытий непременно умрут вместе с самим подражателем. Время ведь все ставит на место и пока-

зывает правду. Марк Твен, по-моему, сказал, что непризнанных гениев не было. В нашем деле то же: настоящий талант будет виден и в кордебалете, и в маленькой роли, а уж если плохо, то это тем более будет заметно в большой партии. Конечно, очень велико значение и педагога, и школы, пройденной исполнителем.

Вообще Плисецкая придает по справедливости огромное значение школе — и как направленности в искусстве, и как педагогической системе.

— Агриппина Яковлевна Ваганова — единственный педагог первой половины двадцатого века, которая делала не скольки со своей манеры, а каждому оставляла его индивидуальность, и потому все ее воспитанницы были разными. Ваганова делала чудеса.

Наше искусство — очень тонкое. Настолько, что очень часто заблуждается даже профессионал. Оно все время меняется — живые же люди. Вот певец. Он берет ноту. И все понятно — взял или не взял. А вот балерина. Так или не так сделала арабеск? Поди — докажи! До публики непосвященной доходит исполнение — доходит искренность, если все делается интересно. А если актер ничего не чувствует, а делает вид, что чувствует, — это всегда видно и это поймет зритель даже неискушенный. Я, конечно, за понятность, доходчивость, эмоциональность. Никому не надо было доказывать и объяснять, что Шаляпин — замечательный певец и артист. Но попробуйте доказать те или иные неправильности, ошибки, недостатки школы или вкуса в исполнении того или иного балета. В ответ вы, как правило, услышите несокрушимый, хотя совершенно недоказательный ответ: «А мне лично нравится!» Но, право, таких доводов еще мало, чтобы судить об искусстве.

Высокая требовательность к творчеству никогда не покидает Плисецкую. Любопытно ее отношение к отзывам прессы о ней самой. Не то чтоб она была олимпийски бесстрастна к похвалам, нет. Но ни-

какие похвалы, отдающие легковесностью, плохим знанием балета, здесь не вызовут ни малейшего сочувствия. О подобной критике Плисецкая всегда говорит с очаровательной улыбкой, в которой соединился оттенок недоумения и иронической жалости к пишущему.

Плисецкая наделена не каждому отпущенным талантом: она с необычайной живостью чувствует талант во всех других сферах искусства. Она всматривается и в людей своего цеха, умея от всей души радоваться чужим радостям, чужим удачам. Ей свойственно то самое чувство благодарности, которое Одоевский пронизательно называл «мелодией сердца».

— Уланова создала свой стиль, приучила к нему. Она — эпоха. Она — время. Она — победа. Она — обладательница своего почерка. Она сказала свое слово, отразила свой век, подобно Моцарту, Бетховену, Прокофьеву.

— Необычайную признательность ощущаешь, слушая партитуру «Щелкунчика» Чайковского (с моей точки зрения, самую выдающуюся в ряду его балетной музыки), впервые представшую в своем первоначальном виде — без сокращений, с тщательно восстановленными темпами, в интерпретации нашего оркестра и замечательного Геннадия Рождественского. А вы заметили, что спектакль весь-весь улыбочатый и просто невозможно без доброй улыбки глядеть на сцену?.. И что дорого мне особенно: у Григорovichа нет ни тени желания кого-то удивить излишней сложностью, утяжелить, усложнить действие, перегрузив его различными техническими «украшениями». Конечно, то, что с Максимовой уже несколько лет занимается Галина Сергеевна Уланова, сразу дает себя знать. Ничего трогательней, лучше, обаятельней партии Маши Катя еще не показывала. И главное — это впечатление предельной легкости, непринужденности, столь важное в мастерстве балерины. Володя Васильев тоже изумительно хорош — тут так к ме-

сту его артистичность, его музыкальность. А посмотрите на Мишу Лавровского — его Щелкунчик больше мальчишка, в нем, пожалуй, больше темперамента, энергичности...

И так всегда, идет ли речь о премьере нового «Щелкунчика», или о каком-то удачном дебюте, или о рождении обещающего дарования, Плисецкая исполнена доброжелательства и гордости за свой театр.

Частный, но весьма показательный пример: достаточно занятая во время нынешнего турне по Соединенным Штатам Америки и Канаде (за три с половиной месяца она выступила пятьдесят пять раз), Плисецкая выкроила время, чтобы побывать в Голливуде на представлении нашей «Жизели». А после спектакля, услышав самые восторженные высказывания кинозвезд об исполнении Михаила Лавровского, обрадованная так, как если б то был ее собственный успех, сказала: «Миша, обязательно напишу в Москву твоей маме об этом голливудском спектакле!»

Сама чуткая ко всему новому, талантливому, Плисецкая пользуется вниманием своих современников — мастеров искусства. Живописец Армении А. Галенц создает ее портрет. Автор скульптурной лептисы нашего балета Елена Янсон-Манизер «остановила» грозный разлет крыльев ее Одессы, увертлившую, фантастическую грацию ее Хозяйки Медной горы, томительную негу ее Персидки. Ее творческий путь, ее объемистый репертуар, где встретились балеты былых и нынешних дней — от «Лебединого озера», «Спящей красавицы», «Раймонды», «Дон Кихота» до «Лауренсии», «Бахчисарайского фонтана», «Каменного цветка», — запечатлены в талантливо сделанной кинобиографии.

Художники шестидесятых годов двадцатого столетия испытывают силу притяжения таланта Плисецкой — народной артистки нашей страны, таланта, рожденного нашим временем.

Е. ЛУЦКАЯ

Фото Л. Жданова